УДК 167.7
DOI: 10.17223/1998863X/44/26

Л.А. Тухватулина

ПОЧЕМУ А.Л. НИКИФОРОВ ЗАЩИЩАЕТ ДЬЯВОЛА, И ЧТО ИЗ ЭТОГО СЛЕДУЕТ

Данный текст представляет собой отклик на статью А.Л. Никифорова «Что наука нового времени дала человечеству», опубликованную в одном из недавних номеров журнала. В тексте приводятся аргументы, свидетельствующие об уязвимости критики нововременной науки А.Л. Никифоровым. Развивается идея о том, что мера участия науки в «гуманизации» человеческого сообщества решается за пределами самой науки и зависит от принципов функционирования ключевых социальных институтов (государства, образования, церкви, права и т.д.), а также от заинтересованности общества в рецепции научного знания.
Ключевые слова: *наука, гуманизация, Эйнштейн, социальные институты, прогресс.*

Размышляя о том, что же наука Нового времени дала человечеству [1], Александр Леонидович Никифоров, по-видимому, намеренно занимает позицию «адвоката дьявола». Как известно, в католической церкви вплоть до конца XX в. *advocatus diaboli* было неофициальным наименованием должности клирика, который собирал и представлял аргументы против беатификации или канонизации праведника. Эта процедура играла едва ли не решающую роль в обосновании легитимности причисления того или иного подвижника к лику святых. При этом характерно, что официально полномочия «адвоката дьявола» именовались «укреплением веры».

В этой связи, как мне представляется, своей критикой нововременной науки – а вернее, ее «духа» и той картины мира, что она создала, – Александр Леонидович лишь способствует укреплению веры в ее авторитет, равно как и в потенциал современной науки, ее правопреемницы. Причиной этого рода обратного эффекта, по-видимому, является то, что одним из важнейших аргументов критики здесь предстает неспособность науки дать ответы на экзистенциальные вопросы или сказать о «подлинно человеческом в человеке» и способствовать «его духовному развитию». Главным провалом науки А.Л. Никифорову видится то, что она «ничего не дала для духовно-нравственного развития человека и даже не пыталась ответить на самые важные вопросы человеческого существования: В чем суть человеческого в человеке? Для чего он живет или должен жить? В чем смысл существования отдельного человека и всего человечества? Что такое смерть, любовь, счастье?» Этим своим аргументом, который, по сути, выражает лейтмотив всего текста, Александр Леонидович как бы дает понять, что новоевропейскую науку трудно уличить в несоответствии своему предназначению – получении истинного знания, которое служило в том числе и общественным целям [2]. А потому предметом критики становится побочная и совершенно необязательная составляющая научного знания – мера его влияния на решение «вечных» смысложизненных вопросов. Это как если бы «адвокат дьявола», не найдя

явных доводов против канонизации священника, обвинил бы его в том, что тот не обладал талантом живописца. При всей натянутости аналогии, очевидное (и вынужденное) смещение акцента лишь выявляет неправомерность критики и тем самым способствует укреплению веры в праведность того, кого пытаются дискредитировать.

Мне представляется, что ернический тон статьи Александра Леонидовича также указывает на то, что российский специалист в философии науки осознанно стремится возбудить в читателе негодование и – как следствие – работу мысли, уповая при этом на его способность к интеллектуальной иронии. В контексте усилившегося в современной России бюрократического давления на науку статья А.Л. Никифорова обретает особого рода терапевтический смысл, инициируя острую дискуссию о социальном обосновании науки – о соотношении мировоззренческих и собственно гносеологических ее аспектов, роли и месте ценностных ориентиров в научном поиске.

И тем не менее, поскольку предположения об истинном замысле этого текста остаются лишь читательским домыслом, не остается ничего, кроме как принять тезисы статьи всерьез и сформулировать некоторые соображения о мере их обоснованности.

В этой связи мне бы хотелось еще раз остановиться на приведенном выше тезисе Александра Леонидовича о неспособности науки дать ответы на ключевые экзистенциальные вопросы, касающиеся определения «подлинно человеческого» в человеке. Если вернуться к приведенной выше цитате, то наука повинна в том, не дала ответы на вопрос о том, что такое «смерть, любовь, счастье». При этом складывается ощущение, что А.Л. Никифоров обличает не только нововременную, но и современную науку, коль скоро последняя ничуть не успешнее в решении актуальных для отдельно взятого человека мировоззренческих вопросов.

В этом тезисе, на мой взгляд, налицо явная передержка. Справедливости ради здесь нельзя не отметить, что наука (правда, уже не новоевропейская) все-таки предложила свой ответ на вопрос о том, что такое смерть (в современной медицине критерием выступает смерть мозга [3]), а также выявила физиологические (нервно-гормональные) механизмы, регулирующие наши эмоциональные переживания. Но дело здесь в том, что эти ответы едва ли соответствуют тому возвышенному образу «подлинно человеческого», который создает Александр Леонидович и который, по-видимому, является для него единственно приемлемым. И все же несоответствие полученного знания некоторым этически нагруженным допущениям *ad hoc,* к которым, увы, прибегает Александр Леонидович, не умаляет его истинности. А обретение истинного знания, в свою очередь, лишь возвеличивает человеческое достоинство. Однако Александр Леонидович, по-видимому, полагает, что ценностно-мировоззренческое измерение научного знания едва ли не важнее критерия его истинности. В то время как истинность сама по себе не является самодостаточной ценностью, поскольку не имеет никакого этического измерения. В этом смысле наука, по А.Л. Никифорову, явно уступает мифу, религии, искусству.

В этой связи интересна позиция А. Эйнштейна, который в своем размышлении о соотношении науки о религии исходил из близкого А.Л. Никифорову тезиса о том, что «знание того, что *есть*, не открывает дверь к тому,

что *должно быть*» [4]. А следовательно, «объективное знание предоставляет нам мощные средства для достижения конкретных целей, но конечная цель сама по себе и средства ее достижения должны прийти из другого источника» [Там же]. К слову, в качестве этого «другого источника» великий физик во многом имел в виду религию, однако в ее обновленной версии – с отказом от идеи персонифицированного Бога в пользу принципов, близких к пантеизму. При этом Эйнштейн полагал, что научный поиск в ценностном измерении скорее близок поиску религиозному: «…огромный [intense] опыт успешного продвижения в этой области (в науке. – *Л.Т.*) движим глубоким убеждением в рациональности, проявляющейся в сущем. Путем понимания человек достигает далеко идущего освобождения от оков личных надежд и желаний и тем самым убеждается в скромном положении мозга по отношению к величию причины, воплощенной в сущем, которая в своей бездонной глубине недоступна человеку. Эта позиция, однако, как мне представляется, является религиозной в самом высшем смысле этого слова. И мне кажется, что наука не только очищает религиозные побуждения от шлака антропоморфизма, но также вносит вклад в религиозное одухотворение нашего понимания жизни» [Там же]. Любопытно, насколько отличен гуманистический пафос А. Эйнштейна от едкой иронии Александра Леонидовича. И еще интереснее то, что это различие произрастает из единой исходной установки (констатации неспособности науки говорить о должном). Из этого можно заключить, что оценочные суждения в обоих случаях являются совершенно произвольными и предвзятыми (идеологически ангажированными).

При этом любопытно, что эйнштейновский образ мозга, сознающего «свое скромное положение по отношению к величию причины», может быть риторически противопоставлен злой метафоре Александра Леонидовича: «Человек низведен до уровня животного – это ничтожный микроб, вцепившийся в глиняный шарик Земли, бессмысленно несущейся в мировое пространство». На мой взгляд, различие здесь действительно сводится к риторике. В каждой из метафор сформулирована противоположная оценка современной физической картины мира и того места в мироздании, которое она определяет за человеком. При этом сама картина мира вне зависимости от ее ценностного измерения остается научно обоснованной (а потому истинной). В то же время, как мне представляется, ее идеологический аспект – в частности то, способствует ли она осознанию человеком себя как «мозга» или как «микроба» – определяет уже не наука, а те социальные институты, которые призваны формировать и корректировать индивидуальное самосознание (образование, право, политическая идеология, церковь, семья и т.д.).

В этой связи принципиально важно, что решение проблемы влияния науки на гуманизацию / дегуманизацию общества может быть найдено на пути осмысления роли научного знания в эволюции этих институтов [5]. Здесь важным оказывается анализ нормативных оснований социальных институтов (например, правовых кодексов, политических и образовательных программ и пр.). На мой взгляд, подобный ракурс рассмотрения, помимо прочего, дает исследователю возможность избежать этически нагруженных антропологических допущений, но позволяет выявить таковые в самих нормативных программах. Кроме того, можно высказать предположение, что само по себе научное знание в ряде случаев не имеет существенного миро-

воззренческого (влияющего на смыслополагание) значения для обывателя до тех пор, пока в превращенной форме оно не станет основанием той или иной зафиксированной социальной нормы.

Так, результаты расологических исследований начала XX в. едва ли имели бы столь широкое влияние на массовое сознание в нацистской Германии, если бы они не стали «научной» подосновой Нюрнбергских законов и не соответствовали бы политическому курсу НСДАП [6]. По-видимому, расология так и осталась бы локальной научной программой антропометрических исследований, малоизвестной широкой общественности, если бы не пришлась ко времени и ко двору [7].

В качестве иллюстрации тезиса можно рассмотреть и пример из другой области. Приведенный выше медицинский критерий смерти (смерть мозга) в современной России имеет и правовую форму, снимая с врача ответственность за моральный выбор (скажем, когда стоит вопрос об отключении человека в глубокой коме от аппаратов жизнеобеспечения). Законодательно закрепленный статус этого критерия играет решающую роль в профессиональной мотивации врача. Едва ли врач, который знает о научной обоснованности этого критерия, рискнул бы с полной уверенностью использовать его на практике без соответствующей правовой поддержки, ведь это решение было бы чревато судебными исками от родственников пациента или даже уголовным преследованием.

Особенно явно роль политических и правовых институтов в регуляции влияния научного знания на человеческое мировоззрение проявляется в тех вопросах, где научные аргументы сталкиваются с религиозными убеждениями – скажем, в вопросах о легализации гомосексуальных браков, запрете абортов или о необходимости преподавания креационизма наравне с теорией эволюции в школе. Здесь отчетливо обнаруживается зависимость потенциала влияния науки от того, заинтересовано государство в просвещенном обществе или в консервации архаичной традиции, а следовательно, поддержит ли оно церковь или ученых. И, что еще важнее, ограничивается ли эта заинтересованность пустыми декларациями или же обретает реальную институциализированную форму. Я думаю, этот тезис об отношении науки и политики с незначительными поправками правомерен как для нововременной науки, так и для современной.

Обобщая сказанное, мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что проблема мировоззренческого измерения науки (в том числе и ее роли в «духовно-нравственном воспитании человека») всякий раз должна рассматриваться сквозь призму понимания особенностей институциональной организации общества, в котором наука развивается. Только в таком случае, на мой взгляд, эта проблема выходит за рамки идеологических спекуляций и обретает актуальный социально-эпистемологический смысл.

Литература

1. *Никифоров А.Л.* Что дала человечеству наука Нового времени? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 179–187.

2. *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.

3. *Брызгалина Е.В.* Критерии смерти // ПостНаука. URL: https://postnauka.ru/faq/33819 (дата обращения: 01.02.2018).

4. *Эйнштейн А.* Наука и религия. URL: https://scepsis.net/library/id_147.html (дата обращения: 29.01.2018).

5. *Антоновский А.Ю.* Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки» // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 4. С. 201–214.

6. *Грундманн Р., Штер Н.* Власть научного знания. СПб. : Алетейя, 2015. 440 с.

7. *Тухватулина Л.А.* Власть под вывеской науки // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45, № 3. С. 246–253.

Liana A. Tukhvatulina, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: spero-meliora@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 278–282.

DOI: 10.17223/1998863X/44/26

WHY ALEXANDER NIKIFOROV ADVOCATES DEVIL AND WHAT FOLLOWS FROM THIS

Keywords: science; humanisation; Einstein; social institutes; progress.

This paper is a reply to the paper “How the Modern Age Science Has Enriched the Humanity” by Alexander Nikiforov. The paper represents the key elements of the Modern Age science critique. The arguments of Nikiforov are considered through the *advocatus diaboli* metaphor. The author shows that the arguments about the inability of science to provide answers to eternal questions do not hit the target, since they aim to underline that the Modern Age science fully succeeded at its epistemological purposes. The author considers Nikiforov’s arguments as ideologically biased and unjustified. The author compares these arguments with the ideas of Albert Einstein in his essay “Science and Religion”. She claims that this comparison makes all of these biases clear. It is shown that the Russian philosopher and the great physicist shared the same basic statements but, nonetheless, have come to the mutually exclusive conclusions about the value dimension of science. This fact shows the vulnerability of Nikiforov’s thesis. The author argues that the value dimension of science inevitably depends on the connections of science with the other social institutions (state, religion, education and law). The most important point here is the openness of the social institutions and their ability to correct their own normative programmes in accordance with the current scientific recommendations. Scientific knowledge could contribute to the process of humanisation only with the institutional support which aims to provide its integration. The author claims that scientific knowledge acquires a personal regulative meaning mostly if it becomes a basis for any institutionalised social norm, especially legal one. The author concludes that the institutional aspect of the value dimension of science could make the discussion meaningful.

References

1. Nikiforov, A.L. (2018) How the Modern Age science has enriched the humanity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 42. pp. 179–187. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/42/19

2. Kasavin, I.T. (2017) Trading zones as a subject-matter of social philosophy of science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 8–17. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175111

3. Bryzgalina, Ye.V. (n.d.) *Kriterii smerti* [Criteria of Death]. [Online] Available from: https://postnauka.ru/faq/33819. (Accessed: 1st February 2018).

4. Einstein, A. (n.d.) *Nauka i religiya* [Science and Religion]. [Online] Available from: https://scepsis.net/library/id_147.html. (Accessed: 29th January 2018).

5. Antonovskiy, A.Yu. (2017) Evolutionary approach to the development of science. On the Russian translation of N. Luhmann’s “Evolution of Science”. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 52(2). pp. 201–214. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201752239

6. Grundmann, R. & Stehr, N. (2015) *Vlast' nauchnogo znaniya* [The Power of Scientific Knowledge]. Translated from English. St. Petersburg: Aleteyya.

7. Tukhvatulina, L.A. (2015) Power under the Guise of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 45(3). pp. 246–253. (In Russian).